

Вардан Ферешетян

НИКОЛАЙ АДОНЦ 1871-1942

Vardan Fereshetyan
NIKOLAY ADONTS

Nikolay Adonts is not only a historian but as well a “chronicler” in the exact classical meaning of the word. He knew the simple truth that without the harmonious combination of the higher cognition and the deepest sensuality one cannot write the history, which has been the peculiar distinction of our medieval chroniclers and which is seemingly being neglected by many of our contemporary historians. In his work “The Ancient Armenian World Outlook” Adonts for the first time tries to reveal the bases, the parallels and interpenetrations of our mythical Weltanschauung.

In the treatise “The Art Grammar of Dionysius and His Armenian Interpretations” through textographical philological comparison of the manuscript variants Adonts recreated the interpretations of David Philosopher, the Anonymous Interpreter, Movses Kertogh, Stepanos Syunikian, Gregory Magistros, Amam of the East. Systemizing by chapters and fragments the grammatical contemplations of David Philosopher and Greek grammaticists he has studied a number of significant questions of the Greek school.

Constantly highlighting the role of reasoning, reflecting and the task of forming a holistic and dynamic Weltanschauung, while understanding at the same time that the history is not only a mere sequence of actions but as well and in the first place the reflection of perception and comprehension, Nikolay Adonts has written: “The individual either alone or in community acts in as much as his comprehension goes. One can state with confidence that the level of maturity of a nation, the horizons of its vision, are very often determining as well the path of its history...”

Говоря об объективности и субъективности в истории, Поль Рикер в своей книге “История и истина” в главе “Перспективы критики” дает несколько глубоких формулировок, которые могут стать лучшими характеристиками Николая Адонца.

Говоря о том, что “мы ждем от истории соответствующей ей объективности”, и что “именно из этого мы должны исходить и ни из чего другого”, и отмечая, что “объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что в конечном счете делает его понятным”, Рикер отмечает также, что “это истинно для физических и для биологических наук. Однако, это не означает, что объективность истории “та же, что у физики и биологии. Существует столько уровней объективности, сколько существует методических подходов. Стало быть, мы ожидаем, что история прибавит новую область к меняющейся своим границы империи объективности.

Это ожидание включает в себя и другое ожидание: мы ждем от историка определенной субъективности, не субъективности вообще, а такой субъективности, которая могла бы в точности соответствовать объективности, в свою очередь

соответствующей истории. Таким образом, речь идет о вовлеченной субъективности, вовлеченной благодаря ожидаемой объективности”.

Говоря о субъективности, Рикер делает следующее достойное внимания замечание: “под словом субъективность мы понимаем нечто более важное, чем просто хорошая субъективность историка; мы ждем, что история будет историей людей, и что эта история людей поможет читателю, воспитанному на истории историков, построить субъективность более высокого уровня, не только субъективность “я”, но и субъективность человека вообще.”

Это гармоничное и чудесное сплетение объективности и субъективности налицо в Николае Адонце, а кроме того, тот живой трепет души, о котором Рикер ничего не говорит.

Адонц изначально применяет такие подходы и соображения, которые чаял видеть Акоп Ошакан, который не отрицая вовсе огромный вклад и усилия мхитаристов Вены и Венеции, все же как основную и плачевную истину отмечал нехватку трепета живой души. Касаясь исторических исследований, посвященных древним временам, Акоп Ошакан в книге “Под сенью кедров” пишет: “Я желал вновь обрести ту жизнь во всей ее полноте, со всеми оттенками ее проявления, и воспроизвести наш народ не только одной стороной как бездушный музей гравюр, а как некое движущееся и поступательное целое.” И далее продолжает: “Только художник может проникнуть по ту сторону слов и камней и направить свой свет в сердца мертвых. Знаете ли вы, какой трогательный образ встанет перед вами, когда сделанная таким образом работа осветит какой-либо период истории? Безусловно попытки Адонца, хоть и частично, можно принять как пример такого подхода, которые достойны внимания как первые попытки”.

Не отрицая тяжесть, а порой и невозможность такого труда, Ошакан требовал, чтобы был изменен метод для основного усилия оживления прошлого.

Опубликованные недавно три тома пятитомника Николая Адонца, к сожалению, удостоились того же равнодушия, что и первые два тома пятитомника Ерванда Лалаяна /остальные так и не вышли в свет/, а также удивительный двухтомник Гарегина Срандзтянца.

Все книги, а также многочисленные исследования Адонца на иностранных языках могли бы стать темой объемного труда, что выше моих сил, поэтому я хотел бы обратиться к труду “Древнеармянское мировоззрение”, опубликованному в первом томе, а также рассмотреть единственную в своем роде и вероятно одну из наиболее примечательных книг автора – “Дионисий Фракийский и армянские толкователи”.

Если труды по мифологии Генрикуса Гельцера, Овсепя Эмина и Гевонда Алишана примечательны как научно-исторический фактический материал, то работа Адонца “Древнеармянское мировоззрение” – один из первых трудов в нашей историографии, в котором предпринята попытка выявить основы, параллели и взаимопроникновения нашего мифического мировоззрения, о чем говорит и сам автор в начале книги.

“Сколь бы важными ни считались внешние, так называемые материальные факторы истории, невозможно недооценить значимость внутренних или духовных

импульсов. Если первые дают необходимый для истории стройматериал, то вторые – истинные архитекторы, которые создают из неодушевленных материалов чудесное вечногласное здание истории. Мысль является наибольшей из действующих сил истории. Единое целое из усвоенных мыслей и понятий, то, что называется мировоззрением, это то, что формирует и очеловечивает бессмысленный материал”.

В работе «Древнеармянское мировоззрение» Н. Адонц реализовал то требование и мечту Ошакана, что больше касалось литературы, иногда осуществляющей это чудо. Ошакан требовал, чтобы был изменен метод одушевления прошлого, что и великолепно осуществил Н. Адонц в маленькой книжке «Древнеармянское мировоззрение”.

Если Гевонду Алишану, подчиненному старым способам мышления глубокому знатоку и исследователю армянского прошлого, тем не менее, практически не удалось преподнести нам никакой значимой действительности, кроме описанной в книгах, то есть того трепета, того движения живой души, который и одушевляет ту капелюшку крови, что таится в ладонке Мгера маленького, то Николай Адонц, этот по словам Ошакана “простой филолог”, но творческий мыслитель, сумел донести до нас в своих нескольких монографиях догадки, достигающие до животрепещущего панорамного обзора.

Николай Адонц не только историк, но и ”летописец” в классическом смысле этого слова (как и Манандян и Капанцян в некоторых своих работах), и он знал ту простую истину, (которая отличала наших средневековых летописцев), что без гармоничного соединения высшего познания и глубочайшей чувственности история не пишется, о чем, кажется, забыли многие из наших современных историков.

В работе “Древнеармянское мировоззрение” Н. Адонцу удалось разъяснить не только спорные вопросы, доступные историографии и филологии, но оттенки психологии, атмосферу и уровень познания древнего племени. И все это сделано с удивительным умением и искусством, которые редко встречаются в историографии.

Чтобы читатель получил хоть какое-то представление о рассматриваемой работе, приведем несколько цитат:

“Божество и диктуемое им – небесные идеологические пары для земли, которые добрыми дождями оплодотворяют историческую землю...”

К сожалению, огонь и меч, которые постоянно превращали в руины нашу страну, не пощадили также наш внутренний мир. А разрушения такого рода не менее бедственны, чем материальные разрушения. Следовать нашему мировоззренческому пути, выяснить его родные и чуждые сферы или восстановить его столько раз прерванную нить – невозможно. Те ужасы, которые постигли нашу страну, страшны тем, что погубили целые мировоззрения, уничтожили драгоценное и нематериальное богатство опыта прожитого прошлого.

... Изучать погребенных богов в то время, когда ни во что не ставятся даже живые боги, возможно, тщетный труд. Однако богоотречение не только знак морального падения, но и худший способ самобичевания.

Воистину, что есть божество, если не явление возвышенных грез человечества, и что есть история, если не поиск новых божеств, не стремление к новым высотам.

В этом причина того, что человечество с трудом покидает своих идолов, нелегко расстается со своими святынями. Боги умирают, однако обломки их культа остаются в качестве священного вклада, который передается от поколения к поколению, от храма к храму, сохраняя свое древнее таинство. И удивительно то, что чаще всего долго живут именно внешние проявления религии, которые более доступны обществу: обряды и ритуалы. Вина меняются, остаются бурдюки как священные сосуды, готовые принять новое содержание.

Даже устремленное ввысь учение Евангелия не пренебрегло опустошенными бурдюками язычества. Когда звучал голос Христа, языческое небо было практически незаселенным, боги утратили силу и обаяние, и в храмах сохранились лишь голые скелеты прежних верований. Христианство с легкостью заняло голые скелеты и вдохнуло в них новую душу.

Ритуальное наследие старой религии было богатым именно в тех странах, которые стали первой сценой новой проповеди и местом мученичества нового учения. В их числе была также Армения”.

Пионером изучения трудов греческой грамматической школы и исследования их сборных критических оригиналов в начале 20-го века был тот же Николай Адонц со своей книгой “Искусство грамматика Дионисия и его армянские толкования”, которая по мнению одного из оппонентов Николая Мара, должна была стать настольной книгой каждого, однако стала предметом изучения малочисленных специалистов.

Путем текстогрфически-филологического сопоставления рукописных вариантов Адонц восстановил толкования Давида Философа, Безымянного Толкователя, Мовсеса Кертюга, Степаноса Сюнийского, Григора Магистроса, Амама Восточного, систематизируя по главам и отрывкам грамматические воззрения Давида Философа и греческих грамматиков, изучил ряд важнейших вопросов греческой школы.

В той же книге Н. Адонц опубликовал греческий оригинал “Грамматического искусства Дионисия Фракийского” (отметим также, что он знал в совершенстве древний и современный греческий язык, а также ряд других – латинский, санскрит, персидский, турецкий, грузинский, немецкий, французский, английский, итальянский и русский, в совершенстве владел тонкостями и секретами грабара и среднеармянского языка), и сохранившийся в рукописных памятниках сборный критический текст армянского перевода, к которому он присовокупил словарь непонятных слов и положений из текста, составленный позже – “Грамматический словарь”. Он опубликовал также толкования шести армянских толкователей, сопроводив их составленным им списком слов. Первый список содержит новые слова, использованные переводчиком, истолкованные путем сравнения со Святым Писанием или классическим армянским, а остальные – тонкости словарного запаса каждого переводчика по сравнению с его предшественником. В конце отдельным списком представлены встречающиеся в переводах и в оригинале имена собственные.

Без данной работы Н. Адонца не появились бы на свет ценная книга “Греческая школа” А. Манандяна, книга Г. Джаукяна “Труды по грамматике и правописанию в древней и средневековой Армении (V-VI вв.) – наиболее объемное и всестороннее исследование грамматических трудов грекофильской школы, а также примечательная работа “Греческая школа и ее роль в создании грамматической терминологии армянского языка” А. Мурадяна, “Эстетические воззрения средневековой Армении” А. Адамяна – спорный, местами неприемлемый труд, однако, вместе с тем, очень интересный в одном – в тенденции подчеркивания самостоятельности и инаковости средневековых толкователей, чего к удивлению не сделал Н. Адонц в своей славной книге. Однако, как говорит один китайский мудрец, “все гениальные люди имеют энергию заблуждения”, что однако не дает права, забывая про сделанное, судить о несделанном.

В главе первой “Теория рукописных памятников” своего исследования Николай Адонц замечает, что “несмотря на то, что грамматическая наука давно уже отделилась и стала самостоятельным предметом, в древности она изучалась вместе с риторикой и философией, рассматриваясь как необходимое звено системы созерцательного наблюдения вообще. Этот факт наиболее подчеркивал значение грамматических знаний, придавая им особый вес”.

Касаясь текстов армянских толкователей, включенных в книгу Н. Адонца, необходимо заметить, что они являются образцом совершенного соединения математики и музыки, важность чего всегда отмечал Николай Кузанский.

Как говорил один из древних толкователей: «Необходимо чувствовать внутри своего тела тело книги, чтобы приобщиться к смыслу книги”.

Неповторимый дар искусства толкования, который был дан средневековым армянским толкователям, сегодня очень часто недоступен грамматикам, которые большей частью уже являются потерявшими под ногами почву и не имеющими неба в глазах, грамматикам, которые превратили причастность в средство общения и уже совершенно не понимают языка жар-птицы, и видение, как птичья стая, покинуло их.

А средневековый грамматик: поэт, писец, композитор и сказитель, миниатюрист, преклоняющийся пред видением, воссоздатель, неся в небесах своей души, как птичью стаю, письма, превратил их в тело, и перед телом этим преклонялся в знак овеществления тайных сил.

Удивляешься, что можно так писать, скажем, о букве, и когда буквы собираются в стаю, небеса наполняются небом.

И когда римские солдаты вживую сжигали одного ближневосточного наставника вместе со святыней его жизни – святой рукописью, и ученики спросили его: “Что ты видишь?”, он ответил: “Рукопись горит, а буквы улетают далеко-далеко”.

Если греческий Грамматик, который в глубине души был гением устного слова и пренебрегал писарем внутри себя, однако не запрещал записывать, словно для уравнивания слова и молчания, языка и безмолвия, более всего любил “свободное тело”, взметнувшееся в небо словно клин журавлиной стаи, сплетенный из слов песенника, и не менее важным было также усвоение всего этого и индивидуализация на нашей земле и в нашем языке.

И для того, чтобы бесконечно не продолжать эти иноземные мысленные путешествия по нехоженным тропам, сквозь расселины, пропасти, скальные пещеры, вернемся в наш мир и посмотрим, о чем говорит армянский грамматик: “И поскольку не было у них письмен, принесли бестелесное Слово и одели на него тело, чтобы с легкостью постичь непостижимое”. И говорит, что запечатлели их на скрижалях, а затем на пергаменте, и бестелесное сделали телесным, то есть подарили ему тело: письмена. А затем в другом месте: “Называется письмо буквой, то есть элементом /ւնիր/, стихией, поскольку стихии являются веществом для всякого тела... И так приспособливается повествование к строению тела письма, буква к душе, письмена к телу, гласные к чувству, согласные к другим членам, густое к костям, голое к мягкому телу, мышцам и нервам, срединные к венам и сухожилиям. И вся литература ко всему человеку”.

Мы, что годы напролет несли язык вовне, как знамя, щит, или даже как королевскую мантию, внутри нашего тела зачастую не ощущаем тела языка, чтобы приобщиться к его смыслу. Если труд Дионисия Фракийского, как замечает сам Н. Адонц, являясь в классическом смысле уникальным и совершенным учебником грамматики, исключительно относится к этимологии, и не рассматривает задач синтаксиса, либо другие проблемы, то наши средневековые толкователи перед нами вычерчивают дремлющую во всем поэзию.

Возвращаясь к Н. Адонцу, перечитывая его разные и посвященные разнообразным вопросам монографии, статьи и исследования, мы сегодня подчас обретаем составляющее нашей самости, говоря его же словами, “столько раз прерванную нить”, которая в течение многих лет была погребена под покровом провинциального безразличия и велеречивого восхищения, и обретаем также погребенное в глубоком и непостижимом колодце истории, изначальную достоверность мерцающей звезды: с ее голосами, запахами и красками, что так недостает нам сегодня.

Постоянно подчеркивая роль мышления, раздумий и задачу формирования целостного и не застывающего мировоззрения, и понимая также, что история, помимо последовательности действий, является также в первую очередь воплощением восприятия и понимания, Н. Адонц писал: “Индивидуум, в одиночку или сообщая, действует в той мере, в которой постигает. Можно смело сказать, что уровень зрелости наций, горизонты их видения, зачастую определяют круг их истории...”

Каковыми бы ни были причины возникновения или развития мировоззрения, сколь бы ни были они связаны с внешними причинами, но единожды сформированное и разработанное, мировоззрение становится впредь самостоятельной и самодовлеющей силой, и действует вкупе с другими импульсами, путем независимого или взаимного воздействия”.

Только сила и направленность внутрь данного взгляда была способна обеспечить дар следования подчас по невидимым следам истории, и то самотворение объективности истории, о котором говорит автор “Апологии истории” Марк Блок, и которое доступно лишь сильным индивидуумам.